

К. Арсеньев. Современные русские
беллетристы.

Мас. № 976₁

258

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ. 1888 кн. VII

ожиданий; „дрова горять“ — и въ его памяти возстаетъ лучшая или, быть можетъ, единственная хорошая минута его жизни; „дрова горять полнымъ жаромъ“ — и передъ нимъ проносится все то, что онъ перечувствовалъ и передумалъ послѣ получения письма, воскресившаго въ немъ вѣру въ будущее; „дрова сгорають“ — и онъ спѣшитъ бросить въ угасающей огонь все, напоминающее ему о прошломъ; „дрова сгорѣли“ — и онъ убѣждается въ томъ, что прошлое неистребимо. Въ его душѣ, какъ и вокругъ него, воцаряются „холодъ и мракъ“. Онъ все сидѣлъ на своемъ стулѣ у печки, съ тупымъ, остановившимся взглядомъ, устремленнымъ на потухшіе уголья. Да, они уже потухли совсѣмъ, и тамъ, гдѣ назадъ тому часа полтора пылали дрова, были теперь холодъ и мракъ. И повсюду они — холодъ и мракъ... И тамъ, позади, и вокругъ, и дальше, въ невѣдомомъ безконечномъ пространствѣ грядущаго — холодъ и мракъ. И какъ это странно, что никому не приходитъ такая простая мысль въ голову!.. Росло гдѣ-то дерево, ель, сосна или береза, но явился топоръ и порубилъ его на дрова; потомъ сложили дрова эти въ печку, зажгли — и вотъ они горять и пылаютъ ровно и дружно, исполняя свое назначеніе безотчетно, бессмысленно, не зная, почему и зачѣмъ это съ ними творится. А потомъ сгорѣли дрова, и нѣтъ уже ихъ, и въ печкѣ осталась одна лишь зола... Ну, а если предположить вдругъ, что природа дала бы имъ сознание и способность предвидѣнія будущаго, — спрашивается, не возмутились ли бы они тогда противъ своего положенія?“... Для человѣка, ничего не ждущаго въ будущемъ и безсильнаго „порвать“ съ прошедшимъ, единственный возможный способъ „возмущенія“ — самоубійство. Развязка разсказа напоминаетъ развязку „Дня итога“; кое-что общее есть и между обоими героями, но, по сжатости и простотѣ, послѣднее произведеніе г. Альбова выше перваго, положившаго начало его извѣстности.

Въ новомъ сборникѣ „разсказовъ“ г. Чехова самое видное мѣсто занимаетъ „Степь“ — первая попытка талантливаго автора расширить рамки своего творчества. Оказывается однако, что разница между „Степью“ и прежними произведеніями г. Чехова — скорѣе количественная, чѣмъ качественная. „Степь“ занимаетъ сравнительно много мѣста, но приемы разсказчика измѣнились очень мало. Сцены слѣдуютъ одна за другой, но не вытекаютъ другъ изъ друга; едва связанная между собою, онѣ не потеряли бы ровно ничего, еслибы распались на нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ, еслибы вмѣсто „Степи“ мы имѣли „Жаркій день въ

степи“, „Еврейскую корчму“, „Обозъ ночью подъ грозою“ и т. д. Самая большая роль принадлежит Егорушкѣ, девятилѣтнему мальчику, котораго везутъ въ гимназію; но, несмотря на массу небольшихъ штриховъ, потраченныхъ на его изображеніе, онъ выходитъ не такимъ рельефнымъ, какъ нѣкоторыя лица въ прежнихъ этюдахъ г. Чехова, обрисованныя двумя-тремя мазками. Мы узнаемъ подробно ощущенія Егорушки въ разные моменты его странствованія, но самъ Егорушка остается фигурой довольно блѣдной; изъ-за деревьевъ, въ данномъ случаѣ, не совсѣмъ хорошо виденъ лѣсъ. Мальчикъ, которому отецъ старается доказать вредъ куренья (см. рассказъ „Дома“, въ сборникѣ, озаглавленномъ: „Въ сумеркахъ“), проходитъ передъ нашими глазами съ несравненно большей быстротой, чѣмъ Егорушка—но оставляетъ впечатлѣніе болѣе живое. Всего больше удался автору отецъ Христофоръ, благодухный, болтливый старичокъ, сохранившій лишь кое-какіе обрывки семинарскихъ знаній, но крѣпко вѣрящій въ могущество образованія. Кузьмичевъ, его кучеръ, оба еврея, обозчики—все это не болѣе какъ силуэты. Дѣйствія, въ настоящемъ значеніи этого слова, нѣтъ вовсе; разговоры слѣдуютъ за описаніями, описанія—за разговорами. Это не значитъ еще, конечно, чтобы г. Чеховъ не былъ способенъ создать крупное произведеніе—крупное не по одному лишь объему. Первый опытъ, сдѣланный имъ въ этомъ направленіи, не можетъ даже быть названъ неудачнымъ; онъ только нерѣшителенъ, и поставленный имъ вопросъ по-прежнему долженъ считаться открытымъ.

Разсматриваемая какъ новый шагъ по старой дорогѣ, „Степь“ заключаетъ въ себѣ множество страницъ, ни въ чемъ не уступающихъ лучшимъ рассказамъ г. Чехова. Картины степного раздолья, то радостнаго и свѣтлаго, то однообразнаго и томительно-скучнаго, то таинственнаго и грознаго, написаны съ мастерствомъ, свойственнымъ г. Чехову. Онъ умѣетъ найти эпитетъ, заставляющій насъ смотрѣть его глазами, видѣть именно то, что онъ хочетъ показать намъ!.. Утромъ, пока еще не высохла роса и не высоко поднялось солнце, степь улыбается и блещетъ, точно готовится зажить новою жизнью; „но проходитъ немного времени, роса испаряется, воздухъ застываетъ—и *обманутая степь* „принимаетъ свой унылый, іюльскій видъ“. Одно слово: *обманутая* стѣдитъ здѣсь цѣлаго десятка фразъ—до такой степени сильно оно возбуждаетъ въ насъ впечатлѣніе чего-то хмурающагося и хмураго, впечатлѣніе рѣзкаго перехода отъ свѣта къ мраку. Последующее описаніе сохраняетъ колоритъ, заранѣе брошенный на него этимъ словомъ. „Трава поникла, жизнь замерла. Заго-

рѣше холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, равнина съ туманной далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи кажется странно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, одѣпенѣвшими отъ тоска". Природа, точно раздѣляющая наши ощущенія, точно живущая нашею жизнью, всегда становится намъ понятнѣе и ближе. Конечно, при этомъ способѣ изображенія возможны преувеличенія, неловкости, возможны нарушенія такта и чувства мѣры, но г. Чеховъ болѣею частью остается отъ нихъ свободнымъ, и даже его ошибки проходятъ безслѣдно. Егорушка слышитъ пѣсню, и ему кажется, что это поетъ трава. „Въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренне убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, еслибы не зной и не засухи; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя". Егорушкѣ все это, очевидно, не могло придти въ голову; но если мы о немъ забудемъ и удержимъ въ памяти только звукъ, долетѣвшій неизвестно откуда въ степной тишинѣ, среди полуденнаго зноя, то получимъ поэтической образъ, полный художественной правды... Работа фантазій возбуждается въ г. Чеховѣ не только картинами природы, но и самыми обыденными предметами. Вотъ какъ онъ описываетъ, на примѣръ, обстановку убогой еврейской корчмы. „Стулья были какимъ-то жалкимъ подобіемъ мебели, съ отжившей свой вѣкъ клеенкой и съ неестественно сильно загнутыми назадъ спинками, придававшими стульямъ большое сходство съ дѣтскими санями. Трудно было понять, какое удобство имѣть въ виду невѣдомый столяръ, загибая такъ немилосердно спинки, и хотѣлось думать, что тутъ виноватъ не столяръ, а какой-нибудь профѣзжій силачъ, который, желая похвастать своей силой, согнулъ стульямъ спины, потомъ взялся поправлять и еще больше согнулъ. На полу тянулись щели и зіяли дыры непонятнаго происхожденія; думалось, что ихъ пробилъ каблукомъ все тотъ же силачъ". Широкая степная дорога наводитъ Егорушку на „сказочныя мысли": „можно подумать, что еще на Руси не перевелись громадные, широко-шагающіе люди въ родѣ Ильи Муромца или Соловья-разбойника, и что еще не вымерли богатырскіе кони".

Остальные рассказы, вошедшіе въ составъ сборника, весьма неодинаковы по достоинству. Нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ „Тина", „Тайный совѣтникъ"—не возвышаются надъ уровнемъ анекдота; другіе,—на примѣръ „Счастье", „Тифъ", „Перекаати-

Сказка
и мистика

поле" — слишком бѣдны и содержаніемъ, и отдѣльными красотоми, составляющими иногда главную силу очерковъ г. Чехова. Недурны „Ванька“, „Свирѣть“, „Задача“; еще лучше „Письмо“ и „Поцѣлуй“, особенно первое. На пространствахъ нѣсколькихъ страницъ нарисованы здѣсь три лица, соперничающія между собою по рельефности очертаній: отецъ благочинный, строгій, увѣренный въ себѣ, не знающій ни сомнѣній, ни колебаній; дьяконъ, ступенчающійся передъ величіемъ своего начальника, искренно поклоняющійся его уму, его талантамъ, и „запрещенный“ отецъ Анастасій, низко падшій, но познавшій, въ своемъ паденіи, высокую цѣну милосердія и кротости. Отецъ благочинный, по просьбѣ дьякона, диктуетъ ему грозное письмо къ его сыну, забывшему завѣты старанъ; дьяконъ восторгается красно-рѣчию суровыхъ фразъ, ожидаетъ отъ нихъ самаго лучшаго дѣйствія на заблудшую овцу и не хочетъ сначала и слушать отца Анастасія, совѣтующаго ему не посылать письма. „Ежели отецъ родной его не проститъ, — говоритъ Анастасій, — то кто-жъ его проститъ? Такъ и будетъ, значитъ, безъ прощенія жить? А ты, дьяконъ, разсуди: наказующіе и безъ тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующихъ поискалъ!“ Чрезвычайно естественно рѣшеніе, на которомъ, въ концѣ концовъ, останавливается дьяконъ; онъ посылаетъ письмо, потому что не можетъ поступить иначе, изъ уваженія къ отцу благочинному, но прибавляетъ къ нему, подъ вліяніемъ словъ отца Анастасія, благодушнѣйшую приписку, совершенно разрушающую эффектъ предшествовавшихъ громовъ. Все въ этомъ небольшомъ разсказѣ дышетъ простой, неподкрашенной житейской правдой... Въ „Поцѣлуй“ очень хорошо главное дѣйствующее лицо, штабсъ-капитанъ Рябовичъ, въ сѣренькую скучную жизнь котораго внезапно проникаетъ лучъ солнца. Положимъ, что этотъ лучъ вовсе не ему былъ предназначенъ, но все-таки онъ чувствуетъ себя пригрѣтымъ и оживленнымъ. Его поцѣловала въ темпотѣ какая-то женщина, принявъ его за другого, и онъ цѣлые мѣсяцы живетъ воспоминаніями объ этомъ поцѣлуй, чего-то ждетъ, на что-то надѣется. Когда, наконецъ, исчезаетъ сладкая иллюзія, жизнь представляется ему „необыкновенно скудной, убогой и безцвѣтной“. Картина закончена вполне, несмотря на всю ея миниатюрность. Рябовичу и не суждено, можетъ быть, дожить до другаго эпизода, который заставилъ бы его забыть о таинственномъ „поцѣлуй“.

К. АРСЕНЬЕВЪ.